

Е.Б. Островский
Вологодский государственный университет

**МОТИВЫ «НАНЕСЕНИЯ УЩЕРБА НЕВЕСТЕ» И «ЗАЩИТА ОТ УЩЕРБА»:
ОБРЯДОВАЯ СИМВОЛИКА В КОНТЕКСТЕ РИТУАЛА
(на материале плачей вологодской свадьбы)**

Статья посвящена анализу свадебной причеты: обрядовый сюжет как образ ритуала в плачах. Особое внимание в тексте уделяется синтактико-семантической компоненте исследования. Выявляются инвариантные формульные ряды и определяется их значение.

Свадьба, причитания, мотивы, ритуал, символика, формульность.

При рассмотрении свадебных плачей в различных исследованиях особое внимание традиционно уделялось изучению места и значения причитаний в обряде, определению их ритуальных функций. Как правило, отмечались две основные функции текстов, связанные с их назначением, – обрядовая и необрядовая. Под обрядовой функцией плачей обычно понималось отражение в них ритуальных действий, под необрядовой – выражение психологического состояния невесты (В.П. Аникин, И.М. Колесническая, Н.П. Колпакова, Т.В. Шмелева и др.) [1; 3; 2; 4].

В ряде работ авторы, учитывая многофункциональность причитаний, предпринимали попытки создать их внутрижанровую классификацию. Так, например, И.М. Колесническая распределила всю свадебную причету на две группы: обрядовую (просьбы, советы, заклинания) и необрядовую (сетования, причитания о «красоте», «воле» и т.д.) [2]. В.И. Жекулина в группе необрядовых плачей выделила причеты медиативного характера, причеты, носящие характер благодарности, сиротские плачи [5]. Еще более подробной является классификация И.В. Зырянова, попытавшегося определить «малые» обрядовые функции плачей. По мнению исследователя, среди всего корпуса свадебных причитаний внутрижанровая классификация позволяет выделить десять основных типов: заплачки, просьбы, заклинания, наказания (советы и пожелания), извинения, благодарения, сетования, причитания невесты-сироты, плачи на приглашения гостей, «сны» невесты [6].

Свою классификацию в более общей форме выдвинул Ю.Г. Круглов, предложивший различать среди обрядовой группы – причитания ритуальные, причитания-кореня и причитания-величания, среди необрядовой – лирические причитания, включающие, по терминологии И.В. Зырянова, наказания, сетования, причитания невесты-сироты, а также «сны» невесты [7].

Дробность деления причеты не всегда избавляла авторов от нечеткости. Так, например, разбирая причитания-сетования, И.В. Зырянов заметил, что они «нередко сочетают в себе просьбы, извинения, благодарения» [6, с. 11]. Следовательно, многие внутри-

жанровые классы оказываются лишенными определенных границ и выделяются чисто эмпирически.

Такое положение дел обусловлено во многом тем обстоятельством, что во всех указанных случаях за основную единицу изучения и классификации принимается текст того или иного причета, в то время как единого стабильного текста плача не существует. «Он может начинаться с восклицания, с полуслова, может таким же восклицанием или полусловом оборваться. Этим обусловлен характер речи в причете, система ее синтаксических конструкций и лексики» [3, с. 247]. Исследователи видят в причитаниях «открытую», «незамкнутую» композицию: «текст причета обрывается или может оборваться в любом месте» [6, с. 4]. Кроме того, в причетах, как правило, отсутствуют какие бы то ни было приемы сюжетосложения, «за исключением противоположения частей» [8, с. 18].

Обозначенная текстовая и композиционная нестабильность легко объяснима, если рассматривать причету не изолированно от обряда, а в качестве его составной части. Как показывают последние работы в этом направлении, композиция словесного текста отражает последовательность обязательных обрядовых моментов, локальное варьирование которых в зависимости от традиций может вызвать к жизни по-разному сложенные тексты в разных комбинациях [9]. Из сказанного следует, что причитание является не континуальным, а дискретным единством и имеет, по преимуществу, обрядовую природу.

Действительно, один и тот же образ может встретиться в разных по содержанию текстах, причем в разных их частях. В силу этого невозможно отнести указанный элемент к составляющим данного текста, назвать его «частью» целого. Следовательно, эти «части» принадлежат чему-то более общему, чем текст, а именно фольклорной традиции.

Думается, основной единицей изучения и классификации должен быть не тот или иной текст целиком, а его основная строевая константа – формула.

По мнению Г.И. Мальцева, формула – это «комплекс традиционных смыслов, имеющий имя собственное», она не закончена, открыта, фрагментарна,

она – «импульс возможностей, открытый класс реализаций как морфологических, так и семантических» [10, с. 46]. Формулы стереотипны, малоизменяемы, сохраняют отпечатки древней культуры, передаются от поколения к поколению и служат основными трансляторами традиций внутри ритуальной коммуникации [11]. Их можно сравнить со свободными словосочетаниями, отражающими «устойчивые отношения внеязыковой действительности – рядоположенные “по природе” взаимоотношения предметов и состояний – и в языке воспроизводящимися в стереотипном виде (стакан воды, чашка кофе, бокал вина, пить воду, молоко, но есть суп)» [10, с. 46].

В качестве составляющей формулы могут выступать различные элементы, набор которых, вероятно, определяется принципом семантической достаточности. Формулой в фольклоре может быть слово, словосочетание или целая группа стихов, обозначающая общее место, клише. Так, например, слово «окно» является, безусловно, значимым элементом, формулой, внутренний смысл которой – граница между «своим» и «чужим» миром. Сочетание «окошко переднее» также стереотипно, однако связывается уже с местом пребывания девушки-невесты до замужества, с «садом», в котором она «гуляла» и где «выросла красота». Формульное сочетание «отказать от окошка переднего» имеет противоположный смысл: перемену статуса и удаление невесты из девичьего «сада». Таким образом, формальность причитаний оказывается сквозной.

Как указывалось выше, формулы выступают в качестве основных конструктивных элементов причитаний, их минимальных текстов, следовательно, им присущи те же функции, что и плачу в целом, а также любой вербальной речи вообще. В каждом речевом акте насчитывается несколько основных участников: адресант, адресат, сообщение, контекст, контакт, код. Соответственно насчитывается столько же функций соотносимых с ними: эмотивная, коннотативная, поэтическая, фатическая и метаязыковая [12]. Разумеется, при рассмотрении основного поэтического содержания формул прежде всего обращает на себя внимание их семантика, которая выявляется путем сопоставления единиц высказывания (формул) с обрядовым контекстом или, иначе говоря, – при сопоставлении их референтной и поэтической функций.

Если рассматривать ритуал как один из способов моделирования мира, определяемый традицией, то текст плачей будет содержать в себе образ ритуала, определяемый сознанием исполнителя или группой лиц. Поэтому для характеристики одного и того же действия обряда могут быть использованы различные формулы, которые, однако, всегда будут близки в семантическом отношении.

Изучение материала позволяет установить, что близкие по семантике формулы могут группироваться как вокруг определенных актов одного обряда, так и вокруг типологически одинаковых актов различных обрядов и выступать в качестве функциональных синонимов. В результате объединенные общим значением ряды формул образуют тематические парадигмы или мотивы, сумма которых составляет вербальный обрядовый сюжет. Всего мы выделяем девять таких

формульных рядов: 1) запоручивание, 2) пропивание, 3) нанесение ущерба невесте, 4) отделение красоты, 5) защита от ущерба, 6) избавление от горя, 7) наделение невесты новой судьбой, 8) обменные установления родства и одаривание, 9) путь жениха к свадебному столу. В рамках отдельной статьи не представляется возможным описать весь корпус сюжетных формул, но проиллюстрировать приведенные выше теоретические положения, разбирая мотивы, думается, возможно. Остановимся на парных мотивах № 3 и 5.

Нанесение невесте ущерба

Действия родителей невесты после сватовства, а также стороны жениха – прибытие поезжан на девичник, появление около дома в день свадьбы и т.п. – осмыслились плачами как нанесение ущерба брачующейся и окружающему ее миру. Нарушался привычный ритм ее жизни, что выражалось в причитаниях целым рядом формул, условно составляющих три группы: 1) формулы, фиксирующие действия родителей невесты, ее изменившиеся контакты с миром и социумом; 2) формулы, выражающие внутренние «болезненное» состояние невесты; 3) формулы, отражающие собственно нанесение ущерба.

Среди формул первой группы, относящихся к периоду сватовства, наиболее распространенными были следующие.

Призакреть (белый свет, фатой, полотенцем).

«Да призакрыла, голубушка, / Мне много свету-то белово» [13, № 10]. «Токо вижу я, девушка, / По локот белы руценьки, / Да по колен белы ноженьки» [13, № 19]. «Приукрыл меня батюшко / Злой фатой-то слезливою» [13, № 13]. «Как приукрыла родна матушка / Тонким белым полотенцем» [14, № 5, с. 28].

Формула «призакреть» реализует мотивы слепоты, эксплицирует тему смерти. Однако, как видно из контекста, невеста не полностью лишалась возможности видеть, а только наполовину, что являлось знаком переходного состояния, наступавшего для нее сразу рукобיתья. Е.Г. Кагаров относил эти действия к разряду скрывающих, крипточеских обрядов: невеста как существо лиминальное должна была ограждаться от сглаза и дурных сил [15].

В.И. Еремينا отмечает связь свадебной фаты с маской покойного. По ее мнению, маска – эквивалент слепоты, «предок», «изображение мертвого», «смерть» [16]. Действительно, покрывание невесты сопоставимо в данном случае с покрыванием покойника, но в приведенных контекстах речь идет о покрывании головы брачующейся, ее волос (воли), отчуждения красоты. «И закроят русе косе / Много свету-то белого / И не видать ей красна солнышка / Да частого дождичка» [17, с. 48].

Часто закрывание волос соотносилось со снятием «воли» и красоты. «Ты закроешь волю вольную / Мою буйную голову, / Ты закроешь русу косыньку / И снимешь волю вольную» [18, № 1, с. 8]. Во время обряда «красования» невеста снимала, сбрасывала с себя фату, полотенце, открывала волосы, то есть совершала действие, противоположное по значению покрыванию.

В Васьяновской волости Кадниковского уезда невеста «красовалась» «в своем лучшем девичьем наря-

де, с покрытою шелковым платком головою ходила по избе <...> и, обращая то к отцу своему, то к матери в причете, кидала с головы своей к ногам покрывало. Отец поднимал его и снова покрывал им свою дочь. То же самое делала и мать после причета к ней дочери» [19, № 49, с. 538]. «Уж я любила молодешенька ходить без бумажной-то фаточки» [17, с. 45]. Таким образом, противопоставление непокрытые волосы/покрытые волосы в свадебном обряде выступало как реализация общей оппозиции жизнь/смерть.

Отказать (от стола, от окошка переднего).

Представление о сидении у переднего окна связано в традиционной культуре с понятием «красного» угла и «стола-сада», соотносящегося с девичеством: «Посажу тебя, дитятко, / В зелен сад по окошечко» [13, № 5]. Формула фиксирует мотив удаления невесты из девичьего пространства в связи с изменившимся статусом. Кроме того, сочетание «окошко переднее» также является формулой и имеет следующий круг реализаций: с горя, с тоски, с кручины; в тереме, в светлице, на лавочке; идет, сидит, припадает, плачет, тоскует, грустит; работу работает (шьет, прядет); голову чешет, ждет (друга милого); где милый? (едет, идет); говорит (речи забавные); ругает (чужую сторону), глядит на милого; смотрит в чужую сторону и т.п. [20, с. 129].

Совершенно очевидно, что круг значений формулы «у переднего окна» связан с темой ожидания милого, предугадывания судьбы (ср. распространенное гадание – слушание под окном). В нашем случае выбор сделан, и судьба девушки предопределена, поэтому сразу же снимается тема ожидания и угадывания жизненного пути, задаваемая формулой «у окна».

Посадить (в кут, в угол, за занавеску, на лавочку, около печки, устья, шестка).

«Посадила-то родимая / Меня в кут да под окошечко, – / На дубовую на лавочку, / Забранную зановесочку» [21, № 5, с. 29]. «Посадила жо матушка / В кутней угол на лавоцьку» [22, № 1].

Указанные реализации формулы «посадить» свидетельствуют о локализации невесты в системе восточнославянского жилища. Необходимость этого действия объяснялась тем, что после рукобитья она переставала быть «частью» своей семьи, но еще не принадлежала семье мужа. Действие совершалось в апотропеических целях. Место локализации – угол, кут – имело статус «переходного» пространства и противопоставлялось центру – красному углу. Лавка же во внутреннем пространстве избы являлась элементом, обозначающим границу между домом и внешним миром, и одновременно соединяла его центр и периферию [23].

Помимо этого, формула указывает на приближение невесты к печке в момент запоручивания как к символу космоса, соотносящемуся с культом предков и с идеей включения/исключения из социальной культуры. «Мне садиться, молодешеньке, / Прямо печи печальные, прямо уся кирпичнова, / Против шоска горемычнова [17, с. 26]. Около печи брачующаяся должна была причитать и плакать (отсюда и эпитеты, к ней относящиеся: «печь печальная», «шесток горемычный»). «Против печи, против белые / Против шесточка кирпичнова / Попричитать сесть, поплакати / Душе красной девице [24, л. 6].

Учитывая семантику слез в свадебном обряде, можно предполагать, что каждый оплаканный невестой объект становится отчужденным от нее. Отлучение невесты от печи и родового огня было особенно важным, поскольку уход из семейного коллектива предполагал также отделение ее от предков – покровителей рода, лишение брачующейся их поддержки. Как считают некоторые исследователи, пренебрежение этим правилом могло принести существенный вред семье мужа [25].

Приусечь (дивий век, пути-дороженьки).

«Приусекла мне матушка / Много веку-то дивьево» [13, № 10]. «Пересекла мне матушка / Все пути и дороженьки» [22, № 1]. Формула «дивий век» соотносится в плачах с формулами «жить», «гулять», «красоваться». «Как жила я во девушках, / Жила да красовалася» [17, с. 34]. «Отходила я, отгуляла, / Открасовалася, / Отжила девицею, Отжила невестою» [26, с. 131]. Усечение «дивьего века» связывается в причитаниях с невозможностью дальнейшего продолжения девичьего образа жизни, что четко показывает вторая реализация формулы «приусечь». Свадебные плачи сохранили весьма ограниченное количество представлений о «путях-дороженьках» невесты до замужества. В основном это лес, ярмарка, река – традиционные места девичьих гуляний. Невозможность принимать участие в них означала исключение невесты из календарного девичьего цикла, акцентировала изменение ее статуса.

Ходить (по одной половине)/«не расхаживать» (далеко).

Указанные формулы эксплицируют ограничение движения невесты, запрет выходить из дома после запоручивания. Исследователи видят в подобных действиях апотропеический смысл: «Невеста была подвержена влиянию злых сил, а потому ее оберегали и в то же время ее боялись, она была опасна для окружающих как существо нечистое, уходящее в “иной” мир» [16, с. 90].

Состояние невесты после запоручивания плачи определяют как скованность во всем, в том числе и в передвижении. «Первый железа сковал – / Он ножки резвя, / Другие железа сковал – / Он на рученьки белья» [27, с. 444]. Во время ритуальных действий брачующаяся передвигалась только при помощи подруг, которые водили ее, помогали вставать, усаживали и т.п. Иногда запрет на движение сопровождался в плачах запретом говорить и употреблять пищу: при запоручивании невесте сковывали не только руки и ноги, но и «уста сахарные». «Третьи железа сковал – / На уста сахарныя, / Чтобы с людьми не елося / С людьми не говорилось» [27, с. 444].

Невозможность двигаться, говорить и есть дает право провести прямую аналогию между невестой и покойником, а рассмотренные темы считать индексными темами смерти в плачах.

До сих пор мы рассматривали формулы, фиксирующие внешнее положение невесты, отражающие в основном действия родителей, родственников и подруг по отношению к ней. Другая группа формул рассматривает состояние самой брачующейся как опасную «болезнь», наступившую сразу после запоручивания.

Нередко «смертельная болезнь» невесты являлась результатом стихийного бедствия, неожиданно поразившего брачующуюся и спровоцировавшего ее «умирание»: «Да над высоким-то теремом / Перевала здымаласе, / Перевала здымаласе, / Она сюды накаталасе, / Да что не громы-то грянули, / а по рукам да ударили» [13, № 17]. В результате «пораженными» оказываются все жизненно важные части человеческого тела.

Буйная голова (запорученная, тяжелая, болит, катится с плеч). «Лишь тяжела моя буйна голова, / Буйна голова – голова запоручная» [17, с. 45]. «Тяжела ли то у меня / Моя буйная голова» [28, с. 87]. «Ведь у меня у молодешеньки, / Болит буйная головушка» [29]. «Буйная головушка с плечиков покатилося» [13, № 140].

Сердце (захватило, прострелило, щемит). «Захватило сердечико» [13, № 140]. «Прострелило у молоде / Мое сердце ретивое» [30, с. 77]. «Щемит сердце ретивое» [29, л. 33].

Лицо (пересмякло). «Пересмякло-то лицико» [13, № 140].

Глаз (слезятся, мутятся). «Покатилося у бедных мои слезки горяция» [30, с. 77]. «Мутятся оци ясные» [29, л. 33].

Ноги (подломились, подкосились, подсекло). «Я насилу сустояла на своих резвых ногах» [30, с. 77].

Руки (распустились, плеточки шелковые). «Рученьки распустилисе» [13, № 140]. «Мои рученьки белья, как шелковые плеточки» [30, с. 77].

Формульная тема нанесения ущерба невесте и ее стороне напрямую связывалась в плачах с формульной темой приезда гостей-поезжан. Такая соотношенность не случайна, поскольку гость в плачах – персонаж, осуществляющий связь двух сфер: «своего» и «чужого» пространства, «своей» и «чужой» стороны, пространства жениха и невесты, оставшийся при этом в данный обрядовый момент для брачующейся «чужим» [31].

Для обозначения этих представлений в причитаниях использовалась самая разнообразная символика. Так, например, образ наехавших поезжан мог отождествляться с диахроническим по происхождению образом панов, под которым в разное время понимались первопродки, первопоселенцы, аборигены края или вообще любая иная народность, отличная от носителей сообщения. С XIII–XIV веков панами в преданиях назывались язычники, изгонявшиеся миссионерами-христианами, а с начала XVII века – польско-литовские интервенты [32]. «Вот сказали люди добрые, / Что на Руси да панов нету – / К нам паны да наявились, / Родна батюшку в разор зорят, / Родну матушку в полон берут, / Меня, девушку, с собой везут» [33, № 110].

Ни одно из указанных значений в плачах не конкретизируется, для них важно прежде всего то, что все они объединяются общей идеей «инаковости» наехавших гостей, а в силу этого подчеркивают их враждебное отношение к невесте и ее стороне.

Помимо панов гости могли представляться брачующейся иноверцами: «Я не знаю, молодешенька, / Этих дорогих гостей / Со которую сторону / Они родней называются, / Родами причитаются, / Родством

причисляются / Во кумовстве, сватовстве/ Или крестном братстве <...> / У тебя что, сударь батюшко, / Пошла вера по-новому?» [34, № 13].

Формула «поезжане нехорошие» («журавли долгоносые», «сычи большеглазые») эксплицировала идею родства приехавших с представителями инобытия, сблизала их с округниками. Иной мир в мифологическом сознании представлялся, как известно, имеющим обратный, перевернутый характер существования, что и воспроизводилось в текстах.

Если «свои» персонажи изображались положительно (подчеркивалась их красивая внешность, богатая одежда, достаток и довольство жизнью), то «другие», «иные», «чужие» – естественно, отрицательно. Гости в плачах обуты в лапти, увиты онучами, у них – «лошади грошовые», «хомуты прошеные», «сбруи мочальные», «сани-ошевни» и т.п. Они не знают дороги, не ориентируются в существующих культурных символах: «На дворе вы заблудилися, / Яслям богу помолилися, / Ко столбу вы приложилися, / Уж вы думали поп с крестом, / Очутился это бык с хвостом» [33, № 121].

Объяснить такое поведение приехавших можно только их слепотой, служащей знаком принадлежности к иной реальности. Помимо не-видения, в текстах причетов акцентировался момент не-говорения и оборотничества, также указывавший на «нечистую» личину гостей: «Они заговорили, заграяли, / Как вороны заграяли, / Как собаки залаяли» [34, № 10].

Инаковость прибывших гостей достаточно часто отмечалась в плачах через орнитоморфную символику, что закономерно отражало обозначение в фольклоре различных половозрастных (и иных) групп в различных обрядовых ситуациях (ср. «своей»/«чужой»; «домашний»/«дикий») [35]. «Не гуси, не лебеди / С чиста поля налетали, / К нам шли да наехали / К нам чужи и дороги гости» [34, № 10]. «Как по этому морюшку / Пльвуют гуси-те серые. / Замешалась бела лебедь / Да ко серым-то гусям в артель / Да не лебедь-то белая, – / Да цюжа сватья-то княжная» [13, № 133].

Отрицательное восприятие в плачах «чужих дорогих гостей», естественно, соотносилось с таким же осмыслением связанных с их прибытием действий, воплощенных в двух группах формул со значением разрушения.

1. «Растворяться»/«развиваться»/«пошатиться»/«разливаться» (терему, цевочке, дверям, воротам, верям, морю). «Вижу я, молодешенька, / Что не сам-то высок терем, / Стоя растворяется, / Что не цевочка золотые / Круг скобы развивается, / С колена двери на пята, / На пята на железную» [28, с. 89]. «Ко воротецкам подъехали, верей все пошатилися, / Ворота да растворилися» [36, л. 37]. «Разлилось сине-морюшко / Да по широкой-то улолке... / В избу к нам заливалосе, / Да ишчо сколбалосе, / Да за столы заливалосе» [13, № 138].

2. «Клониться»/«ломиться» (лесу, деревьям, верхушечкам). «Как от мужска ее грозы / Лес-то в землю клонится, / По вершинкам ломится» [36, л. 37]. «Да не яблонь кудрявая клонит буйну голову к нам во светлую светлицу» [28, с. 89]. «Что не ель да в избу клонится, / Не береза богу молится, – / То идет да дружка с поездом» [33, № 121].

Тема разрушения, представленная формулами первой группы, далеко не случайна. Разрушается либо

дом невесты, либо то, что его окружает (ворота, двери, веревки и т.п.). Акт разрушения значимых материальных объектов содержит указание на разрушение границ, отделяющих сторону жениха от стороны невесты. Особо следует отметить формулу «разлилось море», наиболее наглядно демонстрирующую уничтожение антиномии «свое» – «чужое». В свадебных текстах формула «море» являлась символом, сосредоточившим в себе представления о границе между сторонами жениха и невесты. В то же время море/река/вода не только разделяли «свое» и «чужое» пространство, но, в силу своего медиативного положения, соединяли их. По морю/реке невеста уплывала на чужую сторону, к церкви, к венчанию [13, № 27]. Переход через воду/море/реку означал брак [34].

В рассматриваемом случае разлившееся море символизировало сужение границ «своего» пространства вплоть до их уничтожения («разлилось за столы»). Таким образом, пространство невесты становилось полностью освоенным приехавшей стороной и включалось в пространство жениха.

Вторая группа формул связана с идеей заламывания дерева, традиционно соотносящейся в фольклоре с темой зрелости и брака. Заломить дерево – значит любить кого-нибудь, выдавать девушку замуж.

Защита от ущерба

Указанная формульная тема отражала действия невесты и ее стороны в течение всего свадебного цикла и включала в себя набор апотропических формул, появление которых обусловлено стремлением защититься от «вреда», привнесенного прибытием противоположной стороны, а также действиями родителей после сватовства. Охранительные акты, зафиксированные на вербальном уровне, согласно классификации, предложенной Е.Е. Левкиевской, можно условно разделить на несколько типов [37].

1. Создание преграды, преграждение доступа к охраняемому объекту путем закрывания, запиравания (формулы со значением «не пускать» чуженина, жених; «не садить» и т.п.). «Уж ты свет, родимый дядюшка, / Не пускай-ко ты чужих людей» [38, с. 38]. «Не пускай-ко, батюшко, / Во свой двор конесьцятый / И во нов высок терем; / Не пускай-ко, батюшко, / За столы дубовые; / Не ходи-ко, матушка, / Ко столу дубовому; / Не стели-ко, матушка, / Скатерти ведь бранные, / Не носи-ко, матушка, / Много хлеба ситняго» [39, № 23, с. 144].

2. Преграждение пути при помощи окружения, создания магического круга как наиболее распространенного типа границы (формулы со значением «окружить», «застенить» невесту). Подруги окружают невесту, создают «тын серебряный». «Да застените, белы лебеди, / Вы стеной да бело-каменной / От удала добра молодца» [40, с. 58].

3. Разграничение «своей» и «чужой» стороны путем разведения в пространстве охраняемого объекта и опасности: избежать опасного контакта можно не только при помощи создания границ и преград, но и уклонением от встречи с ним (формулы со значением «не-встречи»). «Мой государь сердешный батюшка! / Ты не ходи встречать родню не сердечную» [40, с. 59].

4. Попытка оградить себя путем укрывания от опасности (формулы со значением «приукрыть»). «Да приступись-ко, батюшко, / Близ ко красной девице, / Да приукрой бела лица / Да фатою шелковой / Да от ветра буюго, / Да от многих добрых людей» [39, № 23, с. 144]. В данном контексте формула «приукрыть фатой» омонимична формуле, рассмотренной выше, и эксплицирует тему невидимости охраняемого объекта для окружающих и врагов.

5. Избавление от опасности при помощи ее уничтожения. В этом случае действие обозначается в виде прямых императивов, обращенных к родителям и ближайшим родственникам (формулы со значением «вступиться», «разбить», «разговорить», «размолвить» родителей, «отказать» жениху). «Ты вступись-ко, дедюшка, / За меня за девицу; / Да разбей, разговори / у родима батюшка, / У родимы матушки / Совет думы крепкие» [39, № 23, с. 143–144]. «Поразговорите батюшку, / Поразмолвите-то матушку / Это дело-то делати / Надо мной молодешенькой» [13, № 10]. «Да сыми-ко, су-брателко, / Со схожего красного солнышка / Ты большую-то большинство, / Ты надию великую» [13, № 2].

6. Отгон – отпугивание опасности (формулы со значением привлечения для защиты сакральных животных, установки колющих и режущих предметов на пути следования поезжан и т.п.). «Привези-ко, су-брателко, / Лева-звиря-то лютово, / Да ты медведя сердитово, / Ты поставь-ко, су-брателко, средь широкие улоцьки <...> / Лев-от-звирь поворотитце, / У чужово чуженина / Добрый конь заворотитце» [13, № 139]. В данном случае отгон возможен потому, что указанные животные (медведь, волк и т.п.) в свадебном обряде чаще всего соотносились с предками невесты, враждебными для «чужой» стороны. «А ты суй-ко, су-батюшко, / Три шшита-ти колющие, / Ты поставь-ко, су-брателко, средь широкие улоцьки, / А другой штык да по-за штыку / Да по дверями-то воротами, / А третий штык-то по-за штыку / Среди двора широково» [13, № 142]. В указанных формулах рассматриваемые предметы выступают в качестве апотропеев в силу своих свойств. Предназначение щита – собственно защита, у штыка семантизируется качество «быть острым», «резать», для ружья, естественно, способность стрелять и убивать.

7. Отпугнуть жениха можно и другим способом. В качестве отгонного средства в плачах нередко встречается банный веник. «Ты сходи, подруженька, по бумажной веничек, / Ты броси его, подруженька, / Во ночную сторону; / Ты броси, приговаривай: / Тут рости да повырости / Чаша не просветная, / Чтоб чужу-чуженину не пройти, не проехати, / Ни пешему, ни конному» [41, с. 411]. Банный веник, в силу своего назначения, обладал качеством «живого» ритуального предмета, в отличие от обычного (сухого) веника, и, следовательно, мог препятствовать проникновению «сухоты», смерти в охраняемое пространство и вообще любому «чужому» проявлению.

8. Отвлечение опасности на сторонний предмет, когда носителю зла «представляется» предмет, не имеющий никакой ценности или имеющий меньшую ценность по сравнению с охраняемым объектом (формулы со значением «запоручить» кого-либо

вместо невесты или «отослать» жениха куда-либо). Так, например, при запоручивании невеста предлагает в обмен на себя что-нибудь другое. «Запоруць-ко, су-батюшко, / Ты коня сторублево. / Того мало покажетце – / Дак запоруць-ко, су-батюшко, / Ты амбар хлеба белово. / Того мало покажетце – / Дак запоруць-ко, су-батюшко, / Как двор скота-то рогатого» [13, № 18]. В момент приезда поезда жениха в день брака невеста отсылает его и поезжан в другое место. «Ты посылай-ко, красно солнышко, / Да в Хмельники, на Тавреньгу / Там и девки-то дешевы; / Там по денежке девушки, / Там по семи на грош дают» [42, с. 7]. «Я не пара, не ровнюшка, / Я не пара хорошая, / Не ровня великая <...> / Ему пара и ровнюшка / Во городе Саратове / У купца дочь богатая, / У ее много имения, богатства, / Много золота и серебра, / И скатнова жемчугу» [34, № 16].

9. Избавление от опасности путем правильного ритуального поведения: союзничество с носителем опасности или задабривание его (формулы со значением «встречать» гостей, «садить» за столы и т.п.). Как правило, подобные формулы звучат уже после того, как жених с поезжанами оказываются в избе и невеста «убеждается» в неизбежности брака. «Вы стричайте жо дорогих гостей / С чуже-дальной стороны, / Со злодейки проклятые; / Вы садите жо дорогих гостей / За столы дубовые, за скатерти браные, / За яства-ти сахарныя, / За питья медяные» [34, № 12]. «Вы садите дорогих гостей / За столы за дубовые и за скатерти браные, / И за яства сахарныя, и за питья медяные, / Вы честите, сударь батюшко и родимая матушка, / Их честите, их потчуйте пивом пьяным и вином-то зеленым, / Вы напоите их допьяна, накормите их досыта, / Отошедчи им кланяйтеся ниже пояса шолкова, до полу тесова / И называйте их всех по имени, / И величайте всех по отчеству, / Чтобы им показалось, / Чтобы им поглянулося, / Чтобы не было молодежи, / Чтобы не было зелене, / Мне укору великова / На чужой дальней стороне / И на злодейке проклятою / От чужова отца, матери, / От чужова чужевина» [34, № 5]. В приведенных примерах внимание акцентируется на угощении как на «универсальной форме обменных отношений между хозяином и гостем», в ходе которого последний из «неприятеля, чужеземца, пришлеца» превращается в «своего» [43, с. 707]. Заметим, что пара противоположных формул «садить за столы»/«не садить за столы» могла иметь не только апотропеическое значение, которое скорее следует считать вторичным, но и выражать идею включения в коллектив или исключения из него.

Каждый раз в период приготовления даров, во время причитывания невесты пришедшим помочь девушкам-подругам после традиционных извинений брачующейся следовала формула: «Не сажала я вас, милые, / Под переднее окошечко, / За столы за дубовые, за скатерти браные» [17, с. 27]. В рассматриваемом контексте она обозначала невозможность совместной еды и совместного сидения за столом вообще. Совместная трапеза – явление объединяющее, понимаемое некоторыми исследователями даже как установление родства [44].

Отказ от группового принятия пищи соотносился с исключением из коллектива, с отлучением от него.

Это вполне закономерно, поскольку акт запоручивания, определявший переходный статус невесты на ближайшее время, включал в себя, как это было показано выше, запрет на еду для вступающей в брак девушки. Любопытно другое – сама невеста не садилась за стол с девушками не только во время еды, но и во время работы («Не села с вами, милые, / Гладких бабен не разложила, / Про былое я не вспомнила – про веселое гуляньицо» [17, с. 27]). Дело в том, что с момента рукобיתья невеста вообще теряла право сидеть за столом «под передним окошечком», в «девчьем саду», поэтому приглашение поезжан за стол следует расценивать как полное включение пространства невесты в пространство жениха.

Таким образом, формульность причитаний оказывается сквозной, все они имеют обрядовую природу, сложную семантику, коррелируют с другими ритуалами (календарными, похоронными, лиминальными, карпогоническими и т.д.) и их набор в текстах может меняться в зависимости от структуры обряда конкретного локуса.

Литература

1. Аникин, В.П. Русский фольклор / В.П. Аникин. – Москва, 1987.
2. Колесницкая, И.М. Русские свадебные причитания в публикациях XIX века / И.М. Колесницкая // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1975. – Вып. 2. – С. 169–180.
3. Колпакова, Н.П. Лирика русской свадьбы / Н.П. Колпакова // Лирика русской свадьбы. – Ленинград, 1973. – С. 241–264.
4. Шмелева, Т.В. Причитания / Т.В. Шмелева // Свадебная поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области. – Москва, 1980.
5. Жекулина, В.И. Поэзия свадебного обряда Новгородского края: дис. ... канд. филол. наук / Жекулина В.И. – Ленинград, 1975.
6. Зырянов, И.В. Типы свадебных причитаний / И.В. Зырянов // Фольклор и литература Урала. – Пермь, 1977. – С. 3–24.
7. Круглов, Ю.Г. Русские обрядовые песни / Ю.Г. Круглов. – Москва, 1989.
8. Круглов, Ю.Г. Русские свадебные причитания (поэтика жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Круглов Ю.Г. – Москва, 1972.
9. Кузнецова, В.П. Причитания в севернорусском свадебном обряде: дис. ... канд. филол. наук / Кузнецова В.П. – Петрозаводск, 1987.
10. Мальцев, Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г.И. Мальцев. – Ленинград, 1989.
11. Багажников, Б.Х. Коммуникативное поведение и культура / Б.Х. Багажников // Советская этнография. – 1978. – № 5. – С. 3–17.
12. Левинтон, Г.А. К вопросу о функциях словесных компонентов обряда / Г.А. Левинтон // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. – Ленинград, 1974. – С. 162–170.
13. Балашов, Д.М. Русская свадьба / Д.М. Балашов, Ю.И. Марченко, Н.И. Калмыкова. – Москва, 1985.
14. Александров, В. Вологодская свадьба / В. Александров // Библиотека для чтения. – 1863. – № 5. – С. 1–44; № 6. – С. 1–45.
15. Кагаров, Е.Г. О значении некоторых русских свадебных обрядов / Е.Г. Кагаров // Известия Российской академии наук. Серия VI. – 1917. – № 9. – С. 645–652.

16. Еремина, В.И. Ритуал и фольклор / В.И. Еремина. – Ленинград, 1991.
17. Дилакторский, П.А. Свадебные обряды Вологодской губернии / П.А. Дилакторский // Этнографическое обозрение. – 1903. – Кн. 56. – № 1. – С. 40–51.
18. Дилакторский, П.А. Канун свадебного дня в Троицине Кадниковского уезда / П.А. Дилакторский // Вологодские губернские ведомости. – 1891. – № 1. – С. 8–9; № 2. – С. 10–11.
19. Кичин, Е. Историко-статистические заметки о разных частях Кадниковского уезда / Е. Кичин // Вологодские губернские ведомости. – 1867. – № 25. – С. 262; № 49. – С. 537–538.
20. Мальцев, Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г.И. Мальцев. – Ленинград, 1989.
21. Александров, В. Вологодская свадьба / В. Александров // Библиотека для чтения. – 1863. – № 5. – С. 1–44; № 6. – С. 1–45.
22. Попов, Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда / Н. Попов // Живая старина. – 1903. – Вып. 1–3. – С. 210–214, 369–372.
23. Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. – Ленинград, 1983.
24. Соколова, В.К. Свадебные обряды Устьрецкой волости Кадниковского уезда Вологодской губернии / В.К. Соколова // ГАВО. – Ф. 4389. – Оп. 1. – Ед. хр. 173.
25. Конкка, У.С. Имя, волосы и «белая воля» невесты – главные объекты оплакивания в Карельских свадебных плачах / У.С. Конкка // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск, 1978. – С. 71–94.
26. Шустиков, А. Троицина Кадниковского уезда / А. Шустиков // Живая старина. – 1982. – Вып. 3. – С. 131–135.
27. Пшеницын, М. Отрывки из свадебных причетов Ляменского прихода Никольского уезда Вологодской губернии / М. Пшеницын // Живая старина. – 1900. – Вып. 3. – С. 444–446.
28. Куклин, М.М. Свадьба у Великороссов / М.М. Куклин // Этнографическое Обозрение. – 1900. – Кн. 45. – № 2. – С. 79–114.
29. Шустиков, А.А. Свадьба и свадебные причеты в Ухтомской волости Вологодской губернии / А.А. Шустиков // ГАВО. – Ф. 4389. – Оп. 1. – Ед. хр. 147.
30. Зверев, М. Свадебные обычаи и в Ново-Никольской волости Грязовецкого уезда / М. Зверев // Известия ВОИСК. – Вологда, 1917. – Вып. IV. – С. 76–93.
31. Невская, Л.Г. Концепт «гость» в контексте переходных обрядов / Л.Г. Невская // Балканские чтения: Символический язык традиционной культуры. – Москва, 1993. – Вып. 2. – С. 103–114.
32. Криничная, Н.А. Русская народная историческая проза (вопросы генезиса и структуры) / Н.А. Криничная. – Ленинград, 1987.
33. Минц, С.И. Сказки и песни Вологодской области / С.И. Минц, Н.И. Савушкина. – Вологда, 1955.
34. Волков, И.В. Свадебные причеты Вологодской губернии Грязовецкого уезда / И.В. Волков // Живая старина. – 1905. – Вып. 2. – С. 203–225.
35. Бернштам, Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян / Т.А. Бернштам // Советская этнография. – 1982. – № 1. – С. 22–34.
36. Соколова, В.К. Свадебные обряды Новленской волости Вологодского уезда Вологодской губернии / В.К. Соколова // ГАВО. – Ф. 4389. – Оп. 1. – Ед. хр. 169.
37. Левкиевская, Е.Е. Семантика славянских вербальных апрогреев / Е.Е. Левкиевская // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. – Москва, 1995. – С. 260–302.
38. Арсеньев, Ф.Ф. Крестьянские игры и свадьбы в Янгосаре Вологодского уезда / Ф.Ф. Арсеньев // Вологодские губернские ведомости. – 1879. – № 40–42, 62, 64, 65; Его же // Вологодский сборник. – Вологда, 1880. – Т. 1. – С. 1–50.
39. Попов, В. Описание Кокшеньги / В. Попов // Вологодские губернские ведомости. – 1857. – № 22. – С. 136–138; № 23. – С. 143–144.
40. Неуступов, А.Д. Крестьянская свадьба в Васьяновской волости Кадниковского уезда / А.Д. Неуступов // Этнографическое обозрение. – 1903. – Кн. 56. – № 1. – С. 52–70.
41. Иваницкий, Н.А. Причитания невесты в Вологодской губернии / Н.А. Иваницкий // Москвитянин. – 1841. – № 12. – С. 474–482.
42. Дилакторский, П.А. Свадебный день в Кадниковском уезде / П.А. Дилакторский // Вологодские губернские ведомости. – 1890. – № 42. – С. 5–7; № 44. – С. 7–8; № 45. – С. 7; № 46. – С. 6; № 48. – С. 9; № 50. – С. 10–12.
43. Невская, Л.Г. Концепт «гость» в контексте переходных обрядов / Л.Г. Невская // Балканские чтения: Символический язык традиционной культуры. – Москва, 1993. – Вып. 2. – С. 103–114.
44. Ветловская, В.Е. Летописное осмысление княжеских пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных / В.Е. Ветловская // Русский фольклор. – Ленинград, 1987. – Т. 24. – С. 33–43.

E.B. Ostrovsky

**THE MOTIFS 'IMPAIRMENT OF A BRIDE' AND 'PROTECTION AGAINST IMPAIRMENT':
CEREMONIAL SYMBOLS IN THE CONTEXT OF THE RITUAL
(based on the analysis of Vologda wedding laments)**

The article describes Vologda folk wedding ceremony, as well as the genre peculiarities of a lament (*prichet*). The ritual nature of laments is analyzed according to folklore traditions. The author pays particular attention to the verbal ritual plot, including the so-called folklore formulae. Certain folklore formulae are the main constructive elements of laments. The two fellow motifs of wedding laments 'impairment of a bride' and 'protection against impairment' are considered in detail.

Wedding laments, bride, ritual plot, ritual motifs, folklore formulae, wedding ceremony ritual.